

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-135-141

КНЯЗЕВ Константин Сергеевич,

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Омской ордена Почета
академии МВД России,

e-mail: mail@law-books.ru

ДЕНИСОВ Дмитрий Павлович,

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Омской ордена Почета академии МВД
России,

e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

◇ **Аннотация.** В статье осуществляется комплексное исследование теоретических и прикладных проблем, связанных с использованием цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, доктринальных концепций и правоприменительной практики раскрывается содержание понятия «цифровое доказательство», определяется его правовая природа, характеристические свойства и место в системе доказательств, предусмотренной УПК РФ. Особое внимание уделяется исследованию требований допустимости и достоверности, предъявляемых к цифровым доказательствам, а также процессуальному порядку их собирания, фиксации, хранения и исследования. Анализируются дискуссионные вопросы о соотношении цифровых доказательств с вещественными доказательствами и иными документами, рассматриваются позиции ведущих отечественных процессуалистов. Обосновывается необходимость законодательного закрепления самостоятельного вида доказательств - «цифровых (электронных) доказательств» - путём внесения изменений в статьи 5 и 74 УПК РФ. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с учётом отечественного и международного опыта.

◇ **Ключевые слова:** цифровые доказательства; электронные доказательства; электронные носители информации; уголовный процесс; уголовно-процессуальное доказывание; допустимость доказательств; достоверность доказательств; УПК РФ; следственные действия; цифровизация уголовного судопроизводства.

KNYAZEV Konstantin Sergeevich,

Senior Lecturer, Department of Internal Affairs Activities in Special Conditions, Omsk Order of Honor
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DENISOV Dmitry Pavlovich,

Lecturer, Department of Internal Affairs Activities in Special Conditions, Omsk Order of Honor Academy of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT, LEGAL NATURE AND PROBLEMS OF PROCEDURAL REGULATION

◇ **Annotation.** The article provides a comprehensive study of theoretical and applied problems related to the use of digital (electronic) evidence in criminal proceedings in the Russian Federation. Based on an analysis of current criminal procedure legislation, doctrinal concepts and law enforcement practice, the content of the concept of «digital evidence» is revealed, its legal nature, characteristic properties and place in the system of evidence provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are determined. Special attention is paid to the requirements of admissibility and reliability applied to digital evidence, as well as to the procedural order of its

collection, fixation, storage and examination. Controversial issues regarding the correlation of digital evidence with material evidence and other documents are analyzed, and the positions of leading domestic proceduralists are examined. The necessity of legislative consolidation of an independent type of evidence — «digital (electronic) evidence» — by amending Articles 5 and 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is substantiated. Specific proposals for improving criminal procedure legislation, taking into account domestic and international experience, are formulated.

Key words: digital evidence; electronic evidence; electronic information media; criminal procedure; criminal procedural proof; admissibility of evidence; reliability of evidence; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; investigative actions; digitalization of criminal proceedings.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, проникающих во все сферы общественных отношений, неизбежно обуславливает трансформацию механизмов правового регулирования. В большинстве современных государств можно наблюдать именно такие трансформации различных отраслей права под влиянием цифровых технологий; уголовный процесс, хотя и является наиболее консервативной отраслью, также требует изменений и внедрения цифровых технологий для реализации справедливого и эффективного судопроизводства [1, с. 5]. В доказательственном праве эта тенденция проявляется особенно отчетливо. Преступность сегодня активно осваивает цифровые инструменты, и в результате по уголовным делам складывается принципиально иной тип доказательственной базы — она либо полностью, либо в решающей части представлена сведениями в электронной форме. Отсюда возникает насущная потребность: необходима нормативно-правовая база, адекватная сложившейся реальности и позволяющая эффективно использовать цифровую информацию в рамках уголовно-процессуального доказывания. Всё это с неизбежностью требует переосмысления как теоретических оснований учения о доказательствах, так и конкретных процессуальных механизмов работы с цифровыми данными — от момента их обнаружения в ходе следственных действий до исследования и оценки в судебном разбирательстве.

В научной литературе наряду с «цифровыми доказательствами» активно используется термин «электронные доказательства», причём нередко — как взаимозаменяемый. Однако в строгом смысле их различают по способу представления информации. Под электронными понимают любые данные в электронной форме, тогда как цифровые отсылают именно к дискретному, бинарному кодированию. Прежде чем переходить к анализу нормативно-правовой базы и доктринальных позиций, стоит чётко зафиксировать это разграничение и определить само содержание понятия «цифровые доказательства». Вместе

с тем в уголовно-процессуальной доктрине и практике эти понятия фактически совпадают по объёму, поскольку подавляющее большинство современных электронных носителей работают именно на цифровой основе. Под электронными доказательствами в общем виде следует понимать информацию, зафиксированную на электронных носителях, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 15].

Вместе с тем данное определение, будучи достаточно широким по охвату, не позволяет в полной мере отразить специфические свойства цифровых доказательств, которые принципиально отличают их от традиционных форм доказательственной информации. В доктрине уголовного процесса разработаны более детальные квалифицирующие критерии цифровых доказательств. К их числу относятся: нематериальная природа (цифровые доказательства существуют в нематериальном виде в форме программного кода или цифрового сигнала); зависимость от носителя (они хранятся на соответствующем физическом носителе, в оперативной памяти ЭВМ или в канале связи); опосредованность восприятия (для их восприятия и исследования человеком необходимы программно-технические средства — посредники между машиночитаемым кодом и субъектом доказывания); воспроизводимость без потери содержания (цифровые данные обладают способностью к дублированию путём копирования или перемещения на другой носитель без изменения своих характеристик); особый статус «оригинала» (цифровые доказательства могут существовать в статусе оригинала одновременно в нескольких местах). Именно совокупность перечисленных свойств делает невозможным механическое включение цифровых данных в существующие категории вещественных доказательств или иных документов, не деформируя их сущность, что и порождает принципиальную необходимость разработки специального процессуального режима работы с ними.

Процессуальный порядок обнаружения, фиксации и изъятия доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях, находится в прямой зависимости от вида (типа) такого носителя, технологии доступа к находящейся на нём информации, а также правового режима данной информации [2, с. 23]. Данная зависимость предполагает дифференцированный подход к регулированию различных ситуаций: изъятие физического носителя и копирование содержащейся на нём информации суть различные следственные действия, влекущие различные правовые последствия и требующие различных процессуальных гарантий.

В действующем законодательстве закреплён достаточно широкий подход. Статья 74 УПК РФ [3] определяет доказательства как «любые сведения», на основании которых суд, прокурор, следователь или дознаватель в установленном порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Из этой формулировки буквально следует, что под доказательства можно подвести любую информацию — в том числе и цифровую. И такое понимание, на первый взгляд, даёт органам предварительного расследования и суду возможность свободно использовать доказательственную информацию в любой форме, включая электронную. Тем не менее часть 2 той же статьи ограничивает перечень уголовно-процессуальных источников доказательств как средств доказывания семью видами: показаниями подозреваемого, обвиняемого; показаниями потерпевшего, свидетеля; заключением и показаниями эксперта; заключением и показаниями специалиста; вещественными доказательствами; протоколами следственных и судебных действий; иными документами. Самостоятельная позиция «цифровые (электронные) доказательства» в данном перечне отсутствует, что порождает острую правовую неопределённость, а действующий УПК РФ не содержит также легальной дефиниции понятия «электронные носители информации», хотя именно они выступают основным материальным субстратом существования и сохранности цифровых доказательств.

Вместе с тем определённый шаг на пути к легализации цифровой доказательственной информации был сделан федеральным законодателем ещё в 2012 году. Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ в УПК РФ было введено понятие «электронные носители информации», на которых содержится доказательственная цифровая информация (ч. 4 ст. 81, ч. 1 и 4 ст. 81.1, ст. 164.1 УПК РФ), однако, несмотря на это, проблема по-прежнему остаётся

актуальной [4]. Данное нормативное нововведение носило паллиативный характер: законодатель признал лишь физический носитель как объект процессуального воздействия, не решив вопроса о процессуальном статусе самой информации, находящейся на таком носителе. Наличие нормы о порядке изъятия электронного носителя ещё не означает наличия чёткого процессуального механизма придания юридической силы содержащейся на нём информации. В последующем данный пробел частично восполнялся посредством расширительного судебного толкования действующих норм, однако системного законодательного решения так и не получил. В науке уголовного процесса вопрос о месте цифровых доказательств в системе, установленной УПК РФ, остаётся одним из самых спорных. Единого мнения нет, и позиции расходятся существенно. При этом статья 74 УПК РФ даёт исчерпывающий перечень видов доказательств, который плохо учитывает специфику цифровой информации. Из этого противоречия и вырастает главный вопрос: относить ли цифровые данные к вещественным доказательствам, считать ли их разновидностью иных документов или же выделять в самостоятельный вид?

Некоторые авторы предлагают квалифицировать цифровые данные как разновидность вещественных доказательств, но лишь в той части, которая касается физических носителей. Их логика такова: носитель — это предмет материального мира, он сохранил на себе следы преступления в виде записанной информации.

Другие склонны рассматривать их в качестве «иных документов» в смысле ст. 84 УПК РФ, апеллируя к тому, что электронные файлы содержат в себе сведения, имеющие значение для установления обстоятельств дела, хотя и зафиксированные в нетрадиционной форме. Третьи, наиболее последовательные сторонники нормативных преобразований, настаивают на том, что цифровые (электронные) доказательства представляют собой самостоятельный вид доказательств, обладающий настолько специфическими свойствами, что попытки встроить его в существующие процессуальные категории неизбежно ведут к искажению их сущности.

Показателен в этом отношении взгляд П.С. Пастухова, который полагает, что «совсем необязательно для формирования из электронной информации доказательств придумывать новый вид доказательств», а ««электронные доказательства» не делают переворота в способе доказывания — уголовно-процессуальной форме»; по мнению данного

автора, определяя понятия «вещественное доказательство» и «иные документы», надо лишь уточнить, что сведения могут быть представлены в виде электронной информации [5, с. 278]. Данная позиция, при всей её логической последовательности, не учитывает в полной мере качественного своеобразия цифровых данных. Диаметрально противоположную точку зрения отстаивает М.И. Воронин, который выступает за признание электронных доказательств отдельным видом, аргументируя это тем, что «современные технологии порождают принципиально новые формы фиксации информации, которые не укладываются в традиционные процессуальные категории» [6, с. 81]. Именно принципиальные онтологические особенности цифровой информации — нематериальность, воспроизводимость без потери содержания, зависимость от программно-технических средств интерпретации — свидетельствуют о необходимости её выделения в самостоятельный вид доказательств, требующий специального процессуального регулирования. Представляется, что позиция М.И. Воронина является более аргументированной: единственным корректным решением рассматриваемой проблемы служит именно внесение изменений в действующий УПК РФ с нормативным закреплением понятия цифровых (электронных) доказательств.

Центральным вопросом доказательственного права применительно к цифровым доказательствам является проблема их допустимости. В российском уголовном судопроизводстве допустимость доказательства означает его получение надлежащим субъектом, из надлежащего источника, в предусмотренном законом порядке и с соблюдением установленных процессуальных правил. В части, касающейся цифровых доказательств, данные общие стандарты наполняются специфическим содержанием. Статья 75 УПК РФ, где перечислены недопустимые доказательства, не содержит специальных положений, касающихся цифровых доказательств. А это уже создаёт реальную опасность: судебское усмотрение при их оценке может стать произвольным. Причина такого пробела — в возрасте самого кодекса. УПК был принят в 2001 году, когда цифровые технологии ещё не занимали того места в жизни общества, что сегодня. Кодекс многократно меняли и дополняли, но его концептуальные основания в части допустимости доказательств по-прежнему заточены под традиционные формы информации [4].

Достоверность доказательств — это их свойство, которое говорит об истинности заключённых в них сведений. Критерием истины

выступают исключительно опыт и практика. И только тот вывод об обстоятельствах дела можно считать достоверным знанием, который не порождает разумных сомнений. Отсюда прямо вытекает вопрос о том, как обеспечить достоверность цифровых доказательств в уголовном процессе, — и он отнюдь не второстепенен. Применительно к цифровым доказательствам данный критерий приобретает особое значение: разумные сомнения в их достоверности могут быть устранены лишь посредством специального экспертного исследования, подтверждающего целостность и происхождение данных из заявленного источника. Цифровые данные в силу своих технических свойств поддаются изменению без каких-либо видимых следов, что существенно осложняет верификацию их аутентичности и требует обязательного привлечения специалиста в области компьютерно-технической экспертизы на всех этапах работы с доказательством — от изъятия до исследования в суде. В этой связи именно компьютерно-техническая экспертиза выступает основным инструментом проверки цифровых доказательств в современном уголовном процессе [7, с. 146].

Принципиальное значение для формирования процессуальной базы работы с цифровыми доказательствами имеет также правовое регулирование их изъятия. Процессуальный порядок изъятия электронных носителей информации регламентирован ст. 164.1 УПК РФ, введённой в кодекс в 2012 году [3]. Данная норма предусматривает, что изъятие электронных носителей производится в ходе обыска, выемки или осмотра при обязательном участии специалиста. В Пастухов П.С. в своей монографии, посвящённой цифровой криминалистике, обращает внимание на то, что ст. 168 УПК РФ предусматривает возможность привлечения специалиста, однако не определяет границ его участия в формировании цифровых доказательств, что в правоприменительной практике неоднократно порождало коллизии [8, с. 34]. В частности, вопрос об обязательности участия специалиста при изъятии электронных носителей до сих пор не получил однозначного разрешения: Верховный Суд РФ в ряде определений указывал, что отсутствуют основания полагать незаконным изъятие устройства без участия специалиста. Немаловажно, что в тех случаях, когда данное процессуальное действие не сопровождалось извлечением цифровой информации или созданием её копии. Подобный подход существенно снижает гарантии аутентичности изымаемых данных и в долгосрочной перспективе не может рассматриваться как удовлетворительный.

Процессуальные требования сегодня по-прежнему ориентируют следователей на вполне осязаемые носители: составляются протоколы, к ним приобщаются цифровые копии доказательственной информации — как правило, на оптических дисках. Однако цифровая инфраструктура в эпоху информационного общества автоматически регистрирует колоссальные объёмы юридически значимых сведений, которые потенциально могут использоваться в качестве доказательств. И на этом фоне прежний способ хранения выглядит откровенно устаревшим. Потому проблема хранения цифровых доказательств в ходе уголовного производства остаётся острой. Логичное решение — перейти к автоматизированному сбору такой информации, что, в свою очередь, требует появления в УПК РФ понятия «электронные доказательства» [4]. Отсутствие же чёткого нормативного понятия данного вида доказательств вынуждает должностных лиц, осуществляющих производство по делу, прибегать к устаревшим, привычным способам сбора и хранения доказательственной информации на бумажных носителях в виде протоколов, что в условиях лавинообразного роста объёмов цифровых данных превращается в явно архаичный и нефункциональный механизм.

Немаловажен также опыт зарубежных правовых систем в области регулирования цифровых доказательств, который заслуживает внимательного изучения отечественным законодателем. Молчанов Д.М. и Залескина А.А. в своём исследовании цифровизации уголовного судопроизводства, посвящённом вопросам цифрового уголовного дела, искусственного интеллекта и электронных доказательств, анализируют опыт Республики Казахстан, Германии, Италии и последние изменения уголовно-процессуального законодательства этих государств, рассматривая перспективы внедрения электронного уголовного дела [9, с. 88]. Одна из проблем, стоящих на международном уровне в рамках конвенционного регулирования, — вводить или не вводить, и каким образом вводить понятия «цифровые доказательства» или «электронные доказательства». Все исследования свидетельствуют о том, что их необходимо вводить, поскольку на цифровые доказательства важно распространить специфические следственные действия — в частности, требование о немедленном сохранении данных ещё до их изъятия, для которого требуется судебное решение. Данный принцип, давно закреплённый в системах общего права под наименованием *chain of custody* («цепочка хранения»), обязывает сторону, представляющую цифровые данные, доказать непрерывность и надлежащий режим

их хранения с момента изъятия до момента исследования в суде. В российском уголовном процессе аналогичный механизм применительно к цифровым доказательствам нормативно не урегулирован, что создаёт существенные риски для доказательственной базы.

В данной связи весьма показательны и дискуссии, развернувшиеся в отечественной науке относительно перспектив совершенствования законодательства. Согласно выводам Дмитриевой А.А. и Пастухова П.С., научный подход к совершенствованию системы электронных доказательств состоит в минимизации затрат на собирание доказательственной информации по уголовным делам в электронной форме и электронным способом, а также в сохранении материалов уголовного дела в электронной форме [5, с. 271]. Ключевой вопрос при совершенствовании уголовно-процессуального доказывания — это само понятие доказательств. Уголовный процесс по своей природе есть практическая деятельность: собирание, проверка, оценка доказательств. И категория доказательств должна быть определена по содержанию и объёму так, чтобы у правоприменителя оставалась максимально возможная свобода действий — но при безусловном сохранении свойств относимости, допустимости и достоверности. Предлагаемый подход, однако, не ограничивается одними нормативными изменениями: он предполагает и серьёзную трансформацию организационных механизмов всего уголовного судопроизводства [10, с. 38]. Указанный методологический подход полностью применим и к цифровым доказательствам: они не должны рассматриваться как некий «суперкласс», изъятый из общих требований доказательственного права, — напротив, именно строгое соблюдение этих требований применительно к специфической природе цифровой информации является необходимым условием их процессуальной состоятельности.

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование правового регулирования в данной сфере. Цифровые (электронные) доказательства представляют собой качественно новый вид доказательственной информации, обладающий специфическими свойствами, которые не позволяют механически включить их в существующие категории вещественных доказательств или иных документов, предусмотренные действующей редакцией УПК РФ. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит ни легального определения данного понятия, ни специального

процессуального механизма работы с цифровыми доказательствами, что порождает существенную правовую неопределённость и снижает эффективность уголовного судопроизводства по делам, доказательственная база которых включает цифровые данные. В отечественной правовой науке сложился консенсус: цифровые доказательства должны признаваться в уголовном деле в полном объёме, и это требует внесения соответствующих изменений в статью 74 УПК РФ [1, с. 7]. В качестве первоочередной меры предлагается, во-первых, дополнить статью 5 УПК РФ легальным определением цифровых (электронных) доказательств как самостоятельной категории уголовно-процессуального права. Во-вторых, следует включить «цифровые (электронные) доказательства» в перечень видов доказательств — то есть дополнить ими часть 2 статьи 74 УПК РФ. Параллельно необходимо нормативно урегулировать процедуру обеспечения целостности цифровых доказательств на всём протяжении производства по уголовному делу, ввести аналог принципа «цепочки хранения», законодательно закрепить обязательность участия специалиста в области компьютерно-технической экспертизы при производстве любых следственных действий, связанных с обнаружением, изъятием или копированием цифровой информации. На правоприменительном уровне — обеспечить надлежащую профессиональную подготовку следователей, дознавателей и судей в области работы с цифровыми доказательствами. Развитие информационного общества неизбежно будет продолжать выдвигать новые вызовы для уголовно-процессуального права, и своевременный адекватный ответ на них является необходимым условием обеспечения конституционных прав граждан и эффективности уголовного судопроизводства в целом.

Список литературы:

- [1] Патракова С.С. Цифровые доказательства в уголовном судопроизводстве // Российский государственный университет правосудия. КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 20.05.2025).
- [2] Зуев С.В., Бахтеев Д.В., Пастухов П.С. и др. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебник. М.: Юрайт, 2025. 193 с.
- [3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [4] Электронные и цифровые

доказательства в уголовном процессе // Интернет-конференции Сибирского юридического университета. URL: <https://conf.siblu.ru/elektronnye-i-cifrovye-dokazatelstva-v-ugolovnom-processe> (дата обращения: 20.05.2025).

[5] Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 270–295.

[6] Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7. С. 74–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084.

[7] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2018. 240 с.

[8] Пастухов П.С. Цифровая криминалистика: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 78 с.

[9] Молчанов Д.М., Залескина А.А. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 85–93.

[10] Костенко Р.В., Шипицина В.В., Петрова О.А. Допустимость доказательств в цифровую эпоху // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. Т. 17. № 1. С. 30–43. DOI: 10.31429/20785836-17-1-30-43.

References:

- [1] Patrakova S.S. Digital evidence in criminal proceedings // Russian State University of Justice. CyberLeninka. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 20.05.2025).
- [2] Zuev S.V., Bakhteev D.V., Pastukhov P.S. et al. Electronic evidence in criminal proceedings: textbook. M.: Yurayt, 2025. 193 pp.
- [3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.
- [4] Electronic and digital evidence in criminal proceedings // Internet conference of the Siberian Law University. URL: <https://conf.siblu.ru/elektronnye-i-cifrovye-dokazatelstva-v-ugolovnom-processe> (дата обращения: 20.05.2025).
- [5] Dmitrieva A.A., Pastukhov P.S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. VOL. 1. № 1. S. 270–295.
- [6] Voronin M.I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? // Lex Russica (Russian law). 2019. № 7. S. 74–84. DOI:

10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084.

[7] Shafer SA Proofs and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. M.: Norma, 2018. 240 s.

[8] Pastukhov P.S. Digital forensics: monograph. M.: Justicinform, 2021. 78 pp.

[9] Molchanov D.M., Zaleskina A.A. Digitalization of criminal proceedings: digital criminal

case, artificial intelligence and electronic evidence// Law and state: theory and practice. 2025. № 6. S. 85-93.

[10] Kostenko R.V., Shipitsina V.V., Petrova O.A. Admissibility of evidence in the digital age// Legal Bulletin of Kuban State University. 2025. VOL. 17. № 1. S. 30-43. DOI: 10.31429/20785836-17-1-30-43.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru